

ЭХО НЕПРЕОДОЛИМЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ СОБЫТИЙ В ЧЕЧНЕ 1994–1996 гг. И 1999–2000 гг.: КОНФЛИКТ И НИВЕЛИРОВАНИЕ ПАМЯТИ¹

Е.М. Горюшина

Аннотация. В статье рассмотрено современное состояние исторической памяти в Чечне. Описано влияние советского прошлого и конфликта на духовную и социальную сферы чеченского общества, которое было радикально изменено в результате перестройки и военных действий 1994–1996 гг. и 1999–2000 гг. Рассматривается роль принадлежности к тейпам тукхума Нохчмахкахой в период военных действий в республике. Затронуты конкретные случаи переименования и демонтажа объектов архитектуры и инфраструктуры как во время военных стадий конфликта, так и после официального его завершения. Особое значение уделено проблеме отражения депортации чеченского и ингушского народов 1944 г. в исторической памяти и ее взаимосвязи с постсоветской действительностью в северокавказской республике.

Ключевые слова: чеченский конфликт, Чечня, Северный Кавказ, декоммунизация, насилие, постсоветский, историческая память, тейп.

Горюшина Евгения Михайловна, научный сотрудник, Южный научный центр Российской академии наук (ЮНЦ РАН), 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41, esherder@gmail.com.

---

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология» (17-18-01411).

ECHO OF THE INSURMOUNTABLE CONSEQUENCES OF THE EVENTS IN CHECHNYA IN 1994–1996 AND 1999–2000: CONFLICT AND LEVELING OF MEMORY

E.M. Goryushina

Abstract. The article reviews the modern state-of-art of historical memory in Chechnya. It is also described the impact of the Soviet past and the conflict to the religious and social spheres of the Chechen society, which was radically changed as a result of perestroika and military operations in 1994–1996 and 1999–2000. The role of belonging to the teip of Nohchmahkahoj tukhum during the period of military actions in the republic is considered. Specific cases of renaming and dismantling of architecture and infrastructure objects were both touched during the military stages of the conflict and after the conflict's official end. A particular importance is given to reflection of the deportation of the Chechen and Ingush people in 1944 in historical memory, as well as its relationship with the post-Soviet reality in the North Caucasian republic.

Keywords: Chechen conflict, Chechnya, North Caucasus, decommunization, violence, post-Soviet, historical memory, teip.

Чеченский внутренний вооруженный конфликт и его этапы 1994–1996 и 1999–2000 гг. пришелся на период сложного и затяжного периода системной дезинтеграции, в результате которого произошел распад СССР. Именно в эту эпоху актуализируются процессы декоммунизации – нивелирования коммунистических идеалов во всех сферах повседневной жизни, а экономический коллапс конца 1980-х гг. обострил социально-политические, идеологические и этнические проблемы.

Одновременно с этим происходило двухэтапное формирование постсоветских национальных сообществ: первый этап реабилитировал культурные маркеры национальной идентичности (*cultural markers of national identities*) [Boyd&Richerson, 1987], которые были подавлены в коммунистическое время; второй осуществлялся посредством уничтожения характерных для советского прошлого национальных символов, в частности – памятников В.И. Ленину и И.В. Сталину. Ярким примером может служить стихийное сокращение числа мемориалов Ленину: из ранее установленных 7 тыс. памятников и бюстов революционеру к началу 2014 г. количество монументов сократилось до 6 тыс. Региональными лидерами по количеству сохранившихся памятников являются Московская область и юг России – Ростовская область и Краснодарский край.

Влияние двух кровопролитных этапов конфликта в Чечне на формирование идентичности и протекание процесса декоммунизации нуждаются в переосмыслении. Следует описать особенности процесса декоммунизации в республике и обозначить антропологические характеристики чеченского вооруженного конфликта.

Отдельным дискуссионным моментом выступает само определение войны в Чечне. Аprobация промежуточных результатов исследования обозначила проблему использования обиходных названий боевых действий на территории Чечни и приграничных регионов. «Колониальная война», «контртеррористическая операция», «восстановление конституционного порядка», «война на уничтожение» – лишь несколько терминов, к которым с 1994 г. прибегали участники и очевидцы боевых действий в Чечне. При этом современные чеченские историки отвергают наименование событий 1994–1996 гг. и 1999–2000 гг. чеченскими кампаниями или войнами. Поэтому, исходя из «Наставления по международному гуманитарному праву для Вооруженных Сил Российской Федерации» (утв. Министром обороны РФ 08.08.2001), в данной статье применяется термин «чеченский внутренний вооруженный конфликт».

Индикаторами проблемных точек в изучении советского прошлого Чечни сегодня является резкая полемичность и актуальность различных сюжетов, а также их прямое воздействие на состояние и перспективы развития республики в целом. Это сказалось и на развитии российской историографии периода 1990-х гг., для которой начался новый этап в связи с общим изменением обстановки в стране, возобновлением реабилитации, появлением новых оценок советского прошлого.

В 1990-х – начале 2000-х гг. было издано множество работ исторической и политологической направленности, посвященных Чечне различных периодов. Именно публикации по истории депортации чеченцев и ингушей обозначили начало эпохи исследований с широким спектром вопросов (Кавказская война XIX в, национально-государственное строительство, депортация, чеченский внутренний вооруженный конфликт и т.д.).

С середины 1990-х гг. в отдельных работах местных авторов прослеживаются попытки рассмотреть первый этап чеченского внутреннего вооруженного конфликта 1994–1996 гг. как продолжение репрессивной политики в отношении чеченского народа, начатой задолго до депортации 1944 г. Результатом стал массив публикаций, в которых отчетливо прослеживается новая интерпретация истории взаимоотношений региона с федеральным центром.

Именно историографии постперестроечного периода Чечни присуще богатое разнообразие советского прошлого, однако этот опыт недостаточно востребован и даже отвергаем многими современными авторами, тогда как на достигнутых результатах исследований междисциплинарного характера могут базироваться новейшие концепции, антропологические характеристики двух этапов чеченского внутреннего вооруженного конфликта.

Феномен декоммунизации, прямо или косвенно связанный с регионом Северного Кавказа, описан в работах зарубежных и отечественных исследователей: М. Мандельбаума [Mandelbaum, 1996], Дж. Нодии [Nodia, 2000], Ю.Е. Федорова [Fedorov, 2013], В.Х. Акаева [Акаев, 2017] и др.

Проблемой исторической памяти и истоками чеченского кризиса занимались А.А. Манкиев [Манкиев, 2005], А.Д. Осмаев [Осмаев, 2009] и др. Мемориализация депортации рассматривалась ранее в работах М. Гэммера [Gammer, 2002], Б. Брауера [Brauer, 2002], В.А. Шнирельмана [Shnirelman, 2006], Е.Л. Сокирянской [Sokirianskaia, 2007], А. Кампаны [Campana, 2009], П.М. Поляна [Полян, 2010], Р. Гулда [Gould, 2012], Д.Я. Рахаева [Рахаев, 2014]. Ключевые характеристики и особенности коммеморации операции «Чечевиза» 1994 г., а также чеченских боевых действий описаны в работах Б.Дж. Уильямса [Williams, 2000], О. Резниковой [Резникова, 2015]. Попытки создать единую антропологическую картину чеченского внутреннего вооруженного конфликта были предприняты В.А. Тишковым [Tishkov, 1997]. Сравнительный анализ самоидентификации чеченцев и русских в 1991 и 2003 гг., в предконфликтной и в конфликтной ситуации, осуществлен в работе М.М. Юсупова [Юсупов, 2006]. Социальной структуре, этноклановости на постсоветском пространстве уделено внимание в ряде работ А.А. Санглибаева [Санглибаев, 2007; 2008].

Существенным вкладом в развитие исследования с использованием антропологического подхода к изучению двух этапов вооруженного конфликта в Чечне стали интервью с участниками и очевидцами событий 1994–1995 гг. и 1999–2000 гг., взятые автором статьи.

«ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА»: ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНУЮ И ДУХОВНУЮ СФЕРЫ ОБЩЕСТВА

Декоммунизация в Чечне наслои́лась на противоречивый общемировой процесс нагнетания страха перед угрозой международного терроризма и экстремизма во второй половине 1990-х гг. Региональная специфика Северного Кавказа добавила к словосочетанию «исламский терроризм» определение «чеченский». В это время Чечня стала именоваться традиционно исламским регионом, «зараженным» экстремистскими, социально опасными идеями путем проникновения их в Чечню вместе с получившими религиозное образование за рубежом и возвратившимися в республику чеченцами. Однако религия в Чечне представляла и до сих пор представляет собой своеобразный симбиоз канонов ислама и местных народных традиций и обычаев — адатов, которые до сих пор играют важную роль в повседневности. Симбиоз тесно переплетается с чеченскими тейпами, и поныне выполняющими важные социальные функции в современном обществе республики.

При этом в советское время были прокламированы социалистические нации (в идеале с характерной для них социальной однородностью, общностью идеологии, интересов и целей), но на практике во многих союзных республиках сохранялось деление на родовые кланы, интересы которых (в особенности их лидеров) концентрировались в борьбе за власть. Это проявилось в событиях конца 80-х гг. и сохранялось вплоть до настоящего времени (Чечня, Грузия, Азербайджан, Казахстан, Таджикистан и др.) [Полянский, 1999].

Поэтому справедливо говорить о том, что чеченский внутренний вооруженный конфликт радикально изменил исходные социумы (в конкретном случае тейпы) в республике. Наряду с такой характеристикой тейпа, как родоплеменная солидарность (общее происхождение), существует другая, не менее важная — территориальная привязка. Годы советской коллективизации, индустриализации, урбанизации, депортации и репатриации размыли изначальную структуру тейпа. В результате представители одного тейпа «могут принадлежать к разным не только догматическим, но и социально-политическим направлениям ислама. И именно эти идентичности являются для них намного более важными маркерами, чем принадлежность к тейпу» [Маркедонов, 2010].

Как утверждает исследователь А. Федорович, традиционные многочисленные чеченские тейпы, прочно связанные с юго-восточной горной частью Северного Кавказа, но давно освоившие равнинную часть Чечни: Аллерой, Беной, Гендаргеной, Гундой, входящие в тухкум Нохчмахкахой, а также многие другие тейпы — уживались с русскими и не брались за оружие ровно до того момента, пока не начались притеснения со стороны федеральных сил в 1994–1996 гг. [Федорович, 2001].

Нохчмахкахой представляет собой один из девяти чеченских тухкумов — крупных образований (союзы тейпов, необязательно связанных кровным родством), в которые

объединяются различные тейпы с целью решения общих задач, в частности для защиты от нападения противника и экономического обмена [Саидов, 1968]. Тухкум Нохчмахкахой вобрал в себя крупнейшие тейпы равнинных территорий Чечни, где проходили самые кровопролитные события 1994–1996 гг. и 1999–2000 гг.

Принадлежность к тейпам данного тухкума играла важную роль в постперестроечную эпоху в Чечне. Считается, что Нохчмахкахой (Нохчиймохк, или Нохчамакх, или другие производные от этого слова) и есть исторический центр Чечни, «страна чеченцев», привязанная к бассейнам рек Аксай (чеч. Ясси), Мичик (чеч. Мичиг-Хи) и Терек (чеч. Терк). Представителей этого тухкума называют еще называют ичкерийцами или ичкеринцами (тюрк. ис(ч) – девять, кери – внутренняя часть, сторона) [Хасиев, 1986].

На завершающем этапе Кавказской войны вышеобозначенная географическая часть Чечни была с трудом занята царскими войсками в 1852 г. Можно утверждать, что переименование Чеченской Республики Нохчичо в Чеченскую Республику Ичкерия в 1993 г. правительством Д.М. Дудаева должно было не только означать приобщение к истоку чеченского этногенеза, но и напоминать о страницах истории сопротивления Российской Империи.

При рассмотрении принадлежности различных общественно-политических фигур времен чеченского внутреннего вооруженного конфликта и его последствий обнаруживается, что к тейпу Гендаргеной принадлежит Д.Г. Завгаев. Представители именно этого тейпа в период становления посткоммунистической Чечни с 1991 до 1994 г. критиковали засилье новых (дудаевских) кадров, преимущественно горного происхождения.

К тейпу Аллерой тухкума Нохчмахкахой принадлежал А.А. Масхадов. Яркой иллюстрацией к роли тейпов во время первого этапа чеченского внутреннего вооруженного конфликта могут служить мемуары Г.Н. Трошева. Генерал-полковник в своей книге негативно характеризует Масхадова – исходя исключительно из его тейповой принадлежности: «Существовал и еще один важный для чеченского общества аргумент, который сделал в глазах населения республики Масхадова наиболее предпочтительным претендентом на президентский пост, – это знатное происхождение. Он принадлежит к одному из самых больших чеченских тейпов Аллерой, входящего в тейп Нохч-Махкхой. Тейп Аллерой, наряду с тейпом Эгхашбатой, еще председатель КГБ СССР В. Крючков называл «оплотом сепаратизма» [Трошев, 2001].

Таким образом, справедливо говорить о том, что сформировавшийся сегодня чеченский тейп представляет собой мобилизованную историческую память. Одновременно современной тейп является неотъемлемым сегментом нынешней жизни Чечни – результата сложных и тяжелых процессов, пережитых республикой в три периода: закат перестройки, дудаевско-масхадовская «Ичкерия» и становление действующего режима.

Проблема исторической памяти в ичкерийский период, ее искажения ради политических интересов как одна из основных причин русско-чеченской конфронтации неоднократно озвучивалась самими представителями административных структур Ичкерии: «...Они начинали кампании, направленные на искажение, а в конечном счете и стирание этой памяти. В частности, именно эту задачу должна была решить так называемая концепция 200-летия добровольного вхождения чеченцев в состав России, состряпанная наспех лет 20 назад по заданию КПСС московскими историками и отвергнутая в самой Чечне ввиду ее очевидной абсурдности» (Таймаз Абубакаров, бывший министр финансов Чеченской республики Ичкерия) [Чечня и Россия ... , 1999].

Поэтому следует подробнее рассмотреть процессы, происходящие в Чечне времен перестройки, для которой были характерны тенденции к усилению позиций религии. Это стало особенно заметно, когда Чечено-Ингушский обком КПСС возглавил первый с 1944 г. чеченец, в прошлом – советский партийный функционер, Д.Г. Завгаев. В период с 1989 по 1992 г. в республике были построены сотни мечетей, открыты религиозные учебные заведения, организовано самостоятельное Духовное управление мусульман. Однако религиозная компонента при Завгаеве активно не проявлялась. Е.С. Арляпова, эксперт Фонда Горчакова, подчеркивает парадоксальность ситуации, сложившейся при Завгаеве: в Чечне того периода сформировались новая культурно-религиозная среда, механизмы и инструменты влияния. На этой религиозно-общественной почве сформировалась антизавгаевская оппозиция, Общенациональный конгресс чеченского народа (ОКЧН), приведший к власти Джохара Дудаева и превративший бывшую ЧИАССР в «Ичкерия» [Независимая газета, 2017].

23 апреля 1992 г. Д.М. Дудаев подписал указ о создании при своем аппарате Национального комитета по делам исламской религии. Цель этого шага – вовлечение ислама в политические процессы на стороне действующего лидера в роли поддерживающей силы в борьбе с политическими оппонентами; значение – отказ от модели светского государства, официальная декоммунизация и десоветизация. При этом указ вовсе не инициировал взаимопроникновение религии и политики в Чечне.

Противоречие новых реалий Чечни и советского прошлого проявилось в том, что спустя год после принятия в марте 1992 г. чеченской конституции Д.М. Дудаев трансформирует ислам в инструмент государственной политики. В начале 1993 г. он вернулся к идее ввести шариат, в результате чего уже весной был провозглашен имамом Чечни. Отказ от атеистического советского наследия и приход в ислам для Дудаева фактически ознаменовали его попытку сохранить власть в своих руках. Исламу как государственной религии в дудаевской Чечне надлежало выполнять функцию связующего звена между сепаратистским режимом и мусульманским миром.

Примечательны и последующие этапы политизации ислама во время чеченского внутреннего вооруженного конфликта: «В Чечне после завершения военных

столкновений радикальный лидер республики Зелимхан Яндарбиев пошел путем ускоренной исламизации. В сентябре 1996 г. он своим указом упразднил светские суды, ввел законы шариата, ислам был провозглашен государственной религией» [Ислам в мировой политике ... , с. 236].

Однако только в период становления вертикали власти Ахмата и Рамзана Кадыровых были реализованы все шаги для того, чтобы ислам стал мобилизационным и консолидирующим столпом действующей власти.

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ УЛИЦ КАК ОТКАЗ ОТ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО, ИЛИ ПЛАВАЮЩАЯ «ДЕСОВЕТИЗАЦИЯ»

Говоря о советском прошлом Чечни, о современном процессе декоммунизации и даже десоветизации, необходимо использовать в качестве исследовательского материала городскую топонимику – названия памятников, улиц, объектов инфраструктуры. Следует подвергнуть рефлексии и анализу их идеологическое значение и скрытый в них потенциал нивелирования предыдущих этапов истории.

Одним из таких объектов является аэропорт в столице Чечни. В 1977 г. в действие был введен новый аэропортовый комплекс. Позже сторонники генерала Дудаева, движимые идеей ликвидации всего, что напоминает коммунистическое прошлое, назвали именем предводителя чеченского сопротивления XVIII века – шейха Мансура. Во время военных кампаний аэропорт несколько раз менял свое название: в 1995 г. аэропорт получил название «Северный»; в 1996 г. объекту инфраструктуры вновь вернули название в честь шейха Мансура; с 2000 г. аэропорт безвозвратно получил название «Северный».

Очевидно, что именно в период военного конфликта идеологи сепаратизма переименовывали аэропорт, избавляясь от всего, что могло быть ассоциировано с советским прошлым Чечни.

Во время военного конфликта с чеченскими вооруженными формированиями аэродром и его инфраструктура сильно пострадали. Авиапредприятие было захвачено боевиками в сентябре 1991 г. и удерживалось ими в течение трех лет. После войны аэропорт начал постепенно восстанавливаться.

Другим показательным случаем стала улица Коммунистическая в столице Чечни, которая была переименована в 2008 г. в улицу имени Солса-хаджи Яндарова, известного религиозного деятеля, жившего в республике в первой половине XX в. Важно обратить внимание на то, что в Чечне это фактически первый случай переименования улицы в честь духовного руководителя. Он принадлежал к одному из крупнейших чеченских тейпов, входящих в тукхум Нохчмакххой, – Гендаргеной. Именно представители этого тейпа – братья Иса и Муса Гендергеноевские – сыграли важную роль в избрании Шамиля имамом Чечни. 7 марта (по другим

источникам – 8 марта) 1840 г., в доме Исы, прошел съезд чеченского народа, на котором Шамиль был провозглашен имамом Чечни, а столицей Имамата стал Дарго.

Переименованы и ряд других улиц: улица Чернышевского получила имя чеченского политического деятеля Муслима Гайрбекова, улица Стахановцев теперь носит имя иорданского военачальника с чеченскими корнями Ахмада Арслана, улица Розы Люксембург стала улицей имени погибшего во время теракта на День Грозного 23-летнего полицейского Хамзата Орзамиева. Улица Первомайская стала улицей религиозного деятеля шейха Али Митаева; улица Пионерская получила имя скорострительно скончавшегося спикера парламента ЧР Дукувахи Абдурахманова; улица Красных Фронтовиков получила название в честь Героя России Сайпуддина Лорсанова, погибшего в 2007 г. при штурме квартиры, в которой укрывались преступники; являвшейся традиционной для советских городов площадь Ленина стала именоваться площадью А.-Х. Кадырова.

Только в начале 2015 г. было переименовано 28 улиц. Как утверждает администрация Грозного, переименования осуществляются по просьбе самих горожан, которые хотят увековечить имена чеченских национальных героев. Например, в преддверии 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 19 улиц стали носить имена Героев СССР и России, связанных с республикой.

Особым элементом современного городского пространства чеченской столицы является улица Никиты Хрущева, параллельная улице широкой магистрали Абузара Айдамирова, ведущей к аэропорту Грозного (упоминаемый выше аэропорт «Северный»). Вероятно, значимость этой улицы следует связывать с реабилитацией чечено-ингушского народа, благодаря которой до сих пор сохраняется тенденция к увековечиванию памяти о Хрущеве в постоянно изменяющемся Грозном. В столице республики Ингушетии городе Магасе его именем названа улица. На торжественном заседании, посвященном 53-й годовщине восстановления Чечено-Ингушской АССР, Р.А. Кадыров заявил: «Мы должны быть благодарны Всевышнему за возвращение нашего народа на историческую родину. Во время депортации в Сибирь и Среднюю Азию погибли сотни тысяч чеченцев и ингушей. Но Аллах услышал нашу мольбу, и благодаря историческому решению руководства СССР и личной инициативе Никиты Хрущева была восстановлена наша государственность» [Сайт главы правительства Чеченской Республики, 2010].

Республиканские власти также выразили намерение установить в Грозном памятник Хрущеву, однако эта идея вызвала неоднозначное отношение жителей республики [Кавказский узел, 2007].

Тем не менее, нельзя согласиться с тем, что переименование касается лишь улиц, названия которых ассоциированы с советским наследием. Переименовали и те улицы, названия которых прямо или косвенно связаны с революционным движением или символами русской культуры. Например, улица Лермонтова стала ул. Ачхой-Мартановской, ул. Герцена – ул. Рамзана Хаджиева и пр.

НИВЕЛИРОВАННАЯ ПАМЯТЬ О ДЕПОРТАЦИИ 1944 г. В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЧЕЧНИ

В ночь на 24 февраля 1944 г. началась операция «Чечевица», которая представляла собой массовую высылку чеченцев и ингушей с Северного Кавказа в Казахстан и Киргизию. Их обвинили в массовом дезертирстве и уклонении от призыва в военное время, а также бандитизме и подготовке массового вооруженного восстания в советском тылу с целью поддержки фашистов. Лишь 13 лет спустя (в 1957 г.) депортированным было разрешено вернуться на родину. За сутки из населенных пунктов было вывезено 333 739 человек, из этого числа погружено в эшелоны 176 950. Более быстрому выселению помешал обильный снег, выпавший днем 23 февраля [РИА Новости, 2008].

Последствия этой операции вылились в сложный и противоречивый процесс формирования исторической памяти целого народа, которая претерпела несколько этапов развития в постперестроечный период, также ознаменовавший отказ от всего коммунистического. Коллективные воспоминания о депортации ограничены политическими рамками и подвержены существенным изменениям с момента перестройки. Анализ памяти предполагает рассмотрение динамики манипулятивных действий по отношению к мемориалу, посвященному депортации, а также сопутствующих фактов.

Первые памятники жертвам депортации начали устанавливать именно вайнахи в конце 80-х—начале 90-х гг. XX века. Сначала был открыт памятник в 1989 г. чеченцами-аккинцами в с. Новокули Новолакского р-на в Дагестане (бывшее с. Ярыксу-Аух до сих пор не восстановленного Ауховского района).

Почти одновременно с ним был установлен другой памятник жертвам политических репрессий (уже в Чечне) жителями г. Урус-Мартан [Кавполит, 2014]. На каменной плите были указаны даты высылки вайнахских народов и установления монументы: «23.02.1944–19.05.1991 гг.», приведен отрывок из поэмы А. Бисултанова «Хайбах». Считается, что в г. Урус-Мартан памятников жертвам депортации целых два: один на территории районной больницы г. Урус-Мартан, а другой расположен на кладбище [Кавполит, 2015].

23 февраля 1994 г. в г. Грозном по инициативе Д. Дудаева был открыт памятник по проекту заслуженного российского художника Дарчи Хасаханова. Он представлял собой выроставшую из-под земли металлическую руку с кинжалом, перед которой находился мраморный с позолотой Коран. Вокруг располагались чурты (вайнахские надмогильные камни), привезенные из разных районов республики (после выселения чеченцев и ингушей они нередко использовались советскими властями при строительстве дорог и в качестве фундаментов хозяйственных и жилых зданий; из них сооружались даже опоры для мостов). Надпись на чеченском языке на одной из окружавших мемориал кирпичных стен гласила: «Не сломимся! Не взрыдаем! Не забудем!» (в переводе на русский язык).

Во время чеченских кампаний памятник серьезно пострадал. Стены и чурты повреждены осколками, плиты с именами погибших разбиты. В 2000 г. исчезла плита с надписью, а за ней и Коран.

Для современного прочтения советского прошлого Чечни характерна тревожная тенденция. Память о трагическом событии для чечено-ингушского народа – депортация в годы Второй мировой войны – практически нивелирована в официальной общественно-политической жизни республики. Коммеморация этого дня, 23 февраля 1944 г., приходится на День защитника отечества (до распада СССР этот день отмечался как День Советской армии). Для Дня народной скорби в Чечне предусмотрена другая дата, связанная не столько с исторической и политической памятью, сколько с событиями уже постсоветского политического прошлого республики – 10 мая (следующий день после убийства отца нынешнего президента Ахмада Кадырова, ставшего в 2004 г. жертвой покушения во время праздничных мероприятий по случаю Дня победы).

Тем не менее, с начала 2000-х гг. ежегодно 23 февраля возле памятника в течение нескольких лет продолжали проходить митинги памяти жертв депортации. Однако в 2008 г. мемориал был демонтирован (по официальным разъяснениям руководства республики и города – в связи с переносом на новое место). Р.А. Кадыров заявил: «С самого начала этот комплекс был построен в неудобном месте, на участке транспортной развязки дорог, где нельзя даже поставить машину, чтобы посетить данный комплекс, совершить религиозные обряды в День памяти жертвам геноцида. Даже элементарно провести экскурсии было невозможно» [Сайт Главы и Правительства ... , 2008].

Городские власти на тот момент утверждали, что под строительство нового мемориального комплекса была определена площадка размером в 3000 квадратных метров. Согласно планам, в центре архитектурно-художественной композиции должен быть сохранен главный элемент старого Мемориала – высеченная из камня рука с обнаженным клинком. Позади него должны возвести три стилизованные чеченские башни и перемещены надмогильные камни (чурты). Планом также предусмотрено строительство площадки для проведения ритуального обряда (зикр), комнаты для омовения и намаза.

Однако с 2008 г. наступило затишье. В официальном дискурсе, в средствах массовой информации отсутствуют заявления, обсуждения, предложения. При этом в послевоенные годы рядом с мемориалом построено здание отделения Пенсионного фонда РФ по Чеченской Республике [Кавполит, 2014].

Для комплексного понимания важности исторического нарратива депортации народов следует обратиться к важному описанию надгробных плит – важнейшей части мемориала: «Те, кто тогда осмеливался извлекать надмогильные камни из тротуаров, фундаментов жилых и хозяйственных строений, рисковали навлечь на себя гнев советских и партийных органов, могли лишиться работы... Чурты привозили из

разных населенных пунктов. Местом же сбора стала улица Первомайская: на всем ее протяжении бордюры тротуаров и дороги были устланы ими. Памятник был заложен на месте снесенного к тому времени кинотеатра имени Челюскинцев... Такова история памятника, сама по себе глубоко волнующая, незаурядная» [Так мы живем. Сборник публикаций ... , 2009, с. 198]. Так описывает чурты Усам Байсаев, известный в правозащитных кругах журналист из Грозного, писавший для первого кавказского независимого журнала «Дош» в 2008 г.

По мнению Байсаева, с грозненским мемориальным комплексом «по силе воздействия также мало что сравнится», так как авторам проекта «удалось передать жестокость и коварство тогдашних правителей Страны Советов, выселивших в неизвестность, вычеркнувших, как им тогда казалось, навечно из истории целый народ» [Так мы живем. Сборник публикаций ... , 2009, с. 199].

Несмотря на то, что часть памятника была все же восстановлена неподалеку от монумента полицейским, павшим в ходе антитеррористических операций на окраине чеченской столицы, первоначальный смысл мемориала на сегодняшний день полностью утрачен. Лица, занимавшиеся исследованием истории депортации, подверглись преследованиям и тюремному заключению, как, например, Руслан Кутаев. Вероятно, задержание и обвинение Кутаева было связано с его активной общественной деятельностью, в частности с проведением 18 февраля 2014 г. конференции, посвященной 70-летию депортации вайнахов. В тот день в грозненской Национальной библиотеке прошла научно-практическая конференция «Депортация чеченского народа. Что это было и можно ли это забыть?». Кутаев был ее организатором и ведущим. Конференцию провели без согласования с властями [Информационно-аналитический портал «Голос ислама», 2014].

Возможно, в политике официальных властей память о депортациях отсутствует, но в семьях, в которых были депортированы предки, до сих пор поддерживается этот нарратив. К памятным событиям чеченского народа сегодня наряду с принудительной миграцией 1944 г. относятся Кавказская война XIX в. и обе чеченские войны (обиходное название) за последние два десятилетия. Существует риск того, что тяжелое наследие советской эпохи и последующего процесса декоммунизации станет причиной новых кризисов, в особенности учитывая тот факт, что в России практически всецело редуцированы исследования на эту тему [Европейская историческая память о насильственных миграциях ... , 2016].

В соседней республике, Ингушетии, процесс коммеморации трагических событий депортации 1944 г. находит совершенно иное отражение. 22 февраля 2017 г. депутаты Народного собрания Ингушетии в первом чтении единогласным решением приняли проект закона, налагающий запрет на увековечение памяти Сталина на территории региона. Закон был принят в годовщину начала операции по депортации чеченцев и ингушей в Центральную Азию. Закон запрещает не только установку бюстов и памятников Сталину, но и присвоение его имени населенным пунктам, улицам, публичное оправдание его деятельности, размещение его изображения в

общественных местах и в административных помещениях с целью возвеличивания его личности.

На следующий день после принятия закона ингушским правительством, 23 февраля 2017 г., глава Чечни Р. Кадыров на своей странице в Instagram заявил о недопустимости попыток героизации Сталина. Примечательно, что политическим шагом современного правительства Чеченской Республики стало участие (в объеме 5 млн рублей) благотворительного фонда имени Ахмата Кадырова в строительстве мемориала в Москве, посвященного жертвам политических репрессий.

Очевидно, что здесь, как и в случае с переименованием улиц и объектов инфраструктуры, в Грозном прослеживается выборочность. При полном затишье в случае с мемориалом, посвященным депортации, власти Чеченской Республики лояльно отнеслись к строительству мемориала жертвам политических репрессий в Москве. Это демонстрирует политизированность исторической памяти в современной России, а также свидетельствует о селективном отношении к трагедии чечено-ингушского народа в самой Чечне.

Политику селективной памяти и процесс декоммунизации подтверждает малоосвещенное в СМИ событие, произошедшее в Грозном 10 мая 2017 г. В этот день был заложен камень в основание будущего мемориала жертвам двух этапов чеченского внутреннего вооруженного конфликта.

Аргументом в пользу обозначенной точки зрения могут выступать результаты социологического исследования «Историческая память как фактор консолидации российского общества», выполненного Центром социально-политического мониторинга Института общественных наук РАНХиГС в 2015 г. [Научный доклад по материалам отчета научно-исследовательской работы, 2015]. Результаты отражают состояние и динамику развития исторической памяти в российском обществе на основе компаративного анализа промежуточных результатов многолетних исследований. Общий объем реализованной выборочной совокупности составил 1600 респондентов в возрасте 18 лет и старше.

Согласно результатам этого исследования, в памяти людей постепенно стираются события прошлого, вызывающие негативное восприятие. Развал СССР, войны в Чечне все меньше беспокоят граждан. Гражданам России чаще всего свойственно стыдиться событий, протекавших в недалеком прошлом или настоящем.

Итак, в 2015 г. количество граждан, уверенных в необъективном отражении (очернении или обелении) советского периода в целом, перестройки и чеченских кампаний в современной литературе, на телевидении и прессе, в целом уменьшилось по сравнению с 2009 г.

Также в 2015 г. увеличилось количество тех, кто считает исторические знания недостаточными для объективной оценки перестройки (2010 г.: 18,4%; 2015 г.: 21,3%). Крайне интересна динамика относительно событий, вызывающих стыд

(%): по отношению к перестройке Горбачева в 2001 г. испытывали это чувство 12,7, в 2003 г. — 14,2; в 2010 г. — 1,7, а в 2015 г. это число начало вновь расти — 3,6. Развал СССР вызывал непереносимое чувство стыда (%): 2001 г. — 6,6; 2003 г. — 14,7; 2010 г. — 4,0; 2015 г. — 1,5. К войнам в Чечне и в Афганистане к концу 2015 г. отношение респондентов радикальным образом изменилось (%): 2001 г. — 21,0; 2003 г. — 13,9; 2010 г. — 4,7; 2015 г. — 2,7 испытывали стыд.

Таким образом, можно сделать заключение о том, что память не статична. Она постоянно изменяется, отражая сложный и противоречивый характер общественного развития. В коллективной памяти забываются, вычеркиваются отдельные исторические моменты — в связи с отсутствием интереса к ним или с их табуированностью в данный период времени. При сопутствующей политике правительства этот процесс протекает стремительнее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распад СССР, ослабление центральной власти и рост сепаратизма вызвали целый ряд войн и вооруженных конфликтов на юге России и прилегающих территориях. Наиболее кровопролитным стал чеченский внутренний вооруженный конфликт. Только по официальным данным, в ходе боевых действий в первом его этапе (официально называвшемся «восстановлением конституционного порядка в Чеченской Республике») в 1994–1996 гг. вооруженные силы и другие воинские формирования Российской Федерации потеряли убитыми, умершими от ран, пропавшими без вести и пленными 5,6 тыс. чел. Санитарные потери составили 51,4 тыс. чел. Потери среди мирного населения исчислялись в 30–35 тыс. чел. В ходе второго этапа (официально называвшегося «контртеррористической операцией на Северном Кавказе», далее — КТО) с 1999 по 2001 гг. (режим КТО был отменен только в 2009 г.) потери силовых структур России убитыми и умершими составили 3 тыс. чел., ранеными — 8,8 тыс. чел.; за это время погибла 1 тыс. мирных жителей [Россия и СССР в войнах XX века ... , с. 582, 584, 585, 593].

Этот сложный период наслонился на противоречивый незавершившийся процесс декоммунизации в России, особым образом проявившийся в Чеченской Республике. Во время этапов чеченского внутреннего вооруженного конфликта был проложен курс на отторжение всего коммунистического. Однако с определенными ограничениями он поддерживается и сегодня. Так, переименование улиц с подчеркнуто коммунистическими, революционными названиями, а порой и с названиями, просто ассоциирующимися с символами русской культуры (улица Лермонтова в Грозном), при одновременном сохранении улицы Никиты Хрущева свидетельствуют об избирательности республиканских властей в отношении политики памяти.

Учитывая сложные трагические события, связанные с политическими репрессиями середины XX в., а также реалии чеченского конфликта, нельзя обойти стороной вопрос формирования чеченской идентичности. Он проистекал в условиях

консервации всего советского вслед за распадом СССР, который привел к образованию республик по национальному признаку. В начале 1990-х гг. многие национальные территориальные образования новой России устремились к обретению независимости. В августе 1990 г. прозвучала знаменитая фраза Б.Н. Ельцина: «Берите суверенитета столько, сколько можете проглотить». Именно в тот момент едва не произошло отделение Татарстана. Переворот в Чечено-Ингушской АССР привел к власти Д.М. Дудаева, а республику — к независимости. Спустя год президентом Ельциным был подписан указ об использовании вооруженных сил для восстановления конституционного порядка в регионе.

Конфликт в Чечне стал наиболее ярким событием постсоветской России, на фоне которого федеральные власти начали актуализировать вопросы о некоей новой идентичности — «россияне», ставшей территориально лимитированным продолжением наднациональной общности советских людей. Вероятно, это было сделано с целью недопущения распространения сепаратистских интенций и сохранения целостности страны. Подобная идентичность существует до сих пор: «россияне» — это и не русские, но уже (для того периода государства) и отнюдь не советские люди.

В случае с чеченской идентичностью дело обстоит иначе. Затяжные последствия кризиса перестройки, военных стадий чеченского вооруженного внутреннего конфликта сегментировали идентичность. На первом уровне чеченец актуализирует национальную принадлежность «я — чеченец». На следующем он подчеркивает свою религиозную присущность и именуется мусульманином, и лишь на третьем уровне ощущает себя гражданином Российской Федерации. Баланс и соотношение этих сегментов определяли направления социально-политического развития чеченского общества в различные исторические этапы.

Тем не менее, в республике проводится политика «селективной амнезии», которая привела к демонтажу мемориала, посвященного жертвам депортации 1944 г., затишью на девять лет после обещания его переноса в 2008 г., переименованию практически всех улиц не только с именами из советского наследия, но и признаками русской культуры в названиях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Акаев В.Х. Социально-экономические факторы дерадикализации ислама на Северном Кавказе (анализ воззрений Е.М. Примакова) // *Исламоведение*. 2017. Т. 8. № 1. С. 37–44.

Арляпова Е.С. Мобилизационный потенциал ислама вчера и сегодня // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2012. № 4. С. 54–64.

В Грозном отметили 53 годовщину восстановления ЧИАССР. URL: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=6620> (дата обращения — 24 ноября 2017 г.).

В Чечне есть памятники жертвам депортации 23 февраля 1944 года! URL: http://kavpolit.com/blogs/livejournal_com/12619/ (дата обращения – 20 ноября 2017 г.).

В Чечне неоднозначно относятся к идее установки в Грозном памятника Хрущеву. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/107873/> (дата обращения – 13 ноября 2017 г.).

Европейская историческая память о насильственных миграциях и депортациях в 20-м веке. URL: https://www.boell.de/sites/default/files/uploads/2016/06/5_j_evropejskij_istoriceskij_forum_ru.pdf (дата обращения – 22 ноября 2017 г.).

За что и как арестован Руслан Кутаев. URL: <https://golosislama.com/news.php?id=22318> (дата обращения – 21 ноября 2017 г.).

Ислам в мировой политике в начале XXI века. Учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2016. 348 с.

Манкиев А. А. Об истоках чеченского кризиса // *Научная мысль Кавказа*. 2005. № 1. С. 50–55.

Маркедонов С.М. Тейп – не всему голова. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2009/10/22_a_3275633.shtml (дата обращения – 23 ноября 2017 г.).

Мемориал в Грозном: право помнить. URL: http://kavpolit.com/articles/memorial_v_groznom_pраво_pomnit-653/ (дата обращения – 22 ноября 2017 г.).

Наказанный народ. Как депортировали чеченцев и ингушей. URL: <https://ria.ru/spravka/20080222/99840311.html> (дата обращения – 23 ноября 2017 г.).

Осмаев А. Д. Чеченская республика в 1999–2000 гг.: война и политика // *Новый исторический вестник*. 2009. № 20. С. 45–57.

Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Алешина В.А. Научный доклад по материалам отчета научно-исследовательской работы. «Историческая память как фактор консолидации российского общества». Портал социологических данных РАНХИГС (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ), Центр социально-политического мониторинга ИОН. Москва, 2015. 110 с. URL: <http://social.ranepa.ru/tsentr-sotsialno-politicheskogo-monitoringa-ion/6-istoricheskaya-pamyat-kak-faktor-konsolidatsii-rossijskogo-obshchestva> (дата обращения – 26 ноября 2017 г.).

Полян П.М. Увековечение памяти о депортированных – дело рук самих депортированных. Заметки о мемориализации тотальных насильственных миграций // *Неприкосновенный запас*. 2010. Т. 3. № 71. С. 30–48.

Полянский В. С. Историческая память в этническом самосознании народов // *Социологические исследования*. 1999. № 3. С. 11–20.

Президент ЧР Рамзан Кадыров провел рабочую встречу с мэром Грозного Муслимом Хучиевым. URL: <http://www.chechnya.gov.ru/pda.php?r=126&id=3785> (дата обращения – 25 ноября 2017 г.).

Приймак А. Чеченцы шли к шариату из депортации. URL: http://www.ng.ru/problems/2017-06-07/12_421_chechnya.html (дата обращения – 25 ноября 2017 г.).

- Рахаев Д.Я. Анализируя травму: историография депортации карачаевцев и балкарцев как форма культурной памяти // *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2014. № 5. С. 350–380.
- Резникова О. Скорбь и праздник в (пост)колониальном контексте. Этнографические заметки. Грозный 8, 9 и 10 мая // *Неприкосновенный запас*. 2015. № 3. С. 166–173.
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. М.: Олма-Пресс, 2001. 608 с.
- Саидов И.М. Мех кхел (Совет страны) у нахов в прошлом // *Кавказский этнографический сборник*. Вып. II. Тбилиси, 1968.
- Санглибаев А. А. Этноклановость на постсоветском пространстве // *Полис. Политические исследования*. 2007. Т. 6. № 6. С. 52–63.
- Санглибаев А.А. Этнополитические процессы и конфликты на Северном Кавказе. Черкесск: Информационно-издательский центр Карнеги, 2008. 278 с.
- Так мы живем. Сборник публикаций победителей и финалистов премии имени Андрея Сахарова «За журналистику как поступок» 2008 года. Под ред. А.К. Симонова. М., 2009. С. 328.
- Трошев Г.Н. Моя война: Чеченский дневник окопного генерала. М.: Вагриус, 2001. URL: <https://knigogid.ru/books/20074-моуа-воуна-чеченскиу-дневник-окопного-генерала/toread> (дата обращения – 25 ноября 2017 г.).
- Федорович А.С. Тейпово-религиозные отношения в чеченском обществе // *Центральная Азия и Кавказ*. Швеция: Lulea, 2001. № 2 (14). С. 129–135.
- Хасиев С.-М. О социальном содержании института «тайп» чеченцев (XIX – начало XX вв.) // *Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII – нач. XX)*. Грозный, 1986.
- Чечня и Россия: общества и государства. М.: Полиформ-Талбури, 1999. 432 с.
- Юсупов М.М. Этническая и социальная идентификация в конфликтном регионе // *Вестник Самарского государственного университета*. 2006. № 10-1. С. 62–69.
- Boyd R., Richerson P.J. The evolution of ethnic markers // *Cultural Anthropology*. 1987. Vol. 2. № 1. Pp. 65–79.
- Brauer B. Chechens and the survival of their cultural identity in exile // *Journal of Genocide Research*. 2002. Vol. 4. № 3. Pp. 387–400.
- Campana A. Collective memory and violence: The use of myths in the Chechen separatist ideology, 1991–1994 // *Journal of Muslim Minority Affairs*. 2009. Vol. 29. № 1. Pp. 43–56.
- Fedorov Y.E. Continuity and change in Russia's policy toward Central and Eastern Europe // *Communist and Post-Communist Studies*. 2013. Vol. 46. № 3. Pp. 315–326.
- Gammer M. Nationalism and history: rewriting the Chechen national past // *Secession, history and the social sciences*. 2002. Pp. 117–140.
- Gould R. Leaving the house of memory: post-Soviet traces of deportation memory // *Mosaic: a Journal for the Interdisciplinary Study of Literature*. 2012. Vol. 45. № 2. Pp. 149–164.

Mandelbaum M. (ed.). *Postcommunism: four perspectives*. Council on Foreign Relations, 1996. 216 p.

Nodia G. Chasing the Meaning of 'Post-communism': A Transitional Phenomenon or Something to Stay? // *Contemporary European History*. 2000. Vol. 9. № 2. Pp. 269–283.

Shnirelman V. A. A revolt of social memory: the Chechens and Ingush against the Soviet historians // *Reconstruction and interaction of Slavic Eurasia and its neighboring worlds*. 2006. Pp. 273–307.

Sokirianskaia E. Ideology and conflict: Chechen political nationalism prior to, and during, ten years of war // *Ethno-Nationalism, Islam and the State in the Caucasus*. 2007. Pp. 120–156.

Tishkov V. Political Anthropology of the Chechen War // *Security Dialogue*. 1997. Vol. 28. № 4. Pp. 425–437.

Williams B.G. Commemorating "The Deportation" in Post-Soviet Chechnya: The Role of Memorialization and Collective Memory in the 1994–1996 and 1999–2000 Russo-Chechen Wars // *History & Memory*. 2000. Vol. 12. № 1. Pp. 101–134.

REFERENCES

Akayev V.H. Sotsial'no-ehkonomicheskie faktory deradikalizatsii islama na Severnom Kavkaze (analiz vozzrenij EM Primakova) [Socio-economic factors of Islam deradicalisation in the North Caucasus (Yevgeny Primakov's views Analysis)], in *Islamovedenie*. 2017. Vol. 8. № 1. Pp. 37–44 (in Russian).

Arljapova E.S. Mobilizacionnyj potencial islama vchera i segodnja [The mobilization potential of Islam yesterday and today], in *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij*. 2012. № 4. Pp. 54–64 (in Russian).

Chechnja i Rossija: obshhestva i gosudarstva [Chechnya and Russia: societies and states]. Moscow: Polinform-Talburi, 1999. 432 p. (in Russian).

V Groznom otmetili 53 godovshhinu vosstanovlenija ChIASSR [In Grozny, the 53rd anniversary of the restoration of the Chechen-Ingush ASSR]. Available at: <http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=6620> (accessed 24 November 2017).

V Chechne est' pamjatniki zhertvam deportacii 23 fevralja 1944 goda! [In Chechnya, there are monuments to the victims of deportation on February 23, 1944!]. Available at: http://kavpolit.com/blogs/livejournal_com/12619/ (accessed 20 November 2017).

V Chechne neodnoznachno odnosjatsja k idee ustanovki v Groznom pamjatnika Hrushhevu [In Chechnya, they are ambivalent about the idea of a monument erection in memory of Khrushchev in Grozny]. Available at: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/107873/> (accessed 13 November 2017).

Evropejskaja istoricheskaja pamjat' o nasil'stvennyh migracijah i deportacijah v 20-m veke [European historical memory of forcible migrations and deportations in the 20th century] // *Materialy 5-go Evropejskogo istoricheskogo foruma*, 2016. Available at: <https://www.>

boell.de/sites/default/files/uploads/2016/06/5-j-evropejskij_istoriceskij_forum_ru.pdf (accessed 22 November 2017) (in Russian).

Za chto i kak arestovan Ruslan Kutaev [For what and how Ruslan Kutaev was arrested]. Available at: <https://golosislama.com/news.php?id=22318> (accessed 21 November 2017).

Islam v mirovoj politike v nachale XXI veka [Islam in world politics at the beginning of the XXI century]. Uchebnoe posobie. Moscow: MGIMO-Universitet, 2016. 348 p. (in Russian).

Mankiyev A.A. Ob istokakh chechenskogo krizisa [About the origins of the Chechen crisis], in *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. 2005. Vol. 1. Pp. 50–55 (in Russian).

Markedonov S.M. *Tejp – ne vsemu golova* [Tejp is not the staff of life]. Available at: https://www.gazeta.ru/comments/2009/10/22_a_3275633.shtml (accessed 23 November 2017).

Memorial v Groznom: pravo pomnit' [Memorial in Grozny: the right to remember] Available at: http://kavpolit.com/articles/memorial_v_groznom_pravo_pomnit-653/ (accessed 22 November 2017) (in Russian).

Nakazannyj narod. Kak deportirovali chechencev i ingushej [Punished people. How the Chechens and the Ingush were deported]. Available at: <https://ria.ru/spravka/20080222/99840311.html> (accessed 23 November 2017).

Osmaev A.D. Chechenskaya respublika v 1999–2000 gg.: vojna i politika [Chechen Republic in 1999–2000: War and Politics], in *Novyj istoriceskij vestnik*. 2009. № 20. Pp. 45–57 (in Russian).

Pokida A.N., Zybunovskaja N.V., Aleshina V.A. *Nauchnyj doklad po materialam otcheta nauchno-issledovatel'skoj raboty. "Istoriceskaja pamjat' kak faktor konsolidacii rossijskogo obshhestva"* [Scientific report on the materials of the research. "Historical Memory as a Factor of the Consolidation of Russian Society"]. Available at <http://social.ranepa.ru/tsentr-sotsialno-politicheskogo-monitoringa-ion/6-istoriceskaya-pamyat-kak-faktor-konsolidatsii-rossijskogo-obshchestva> (accessed 26 November 2017) (in Russian).

Polyan P.M. Uvekovechenie pamyati o deportirovannykh-delo ruk samikh deportirovannykh. Zametki o memorializatsii total'nykh nasil'stvennykh migratsij [The perpetuation of the memory of the deportees is the work of the deportees themselves. Notes on the Memorialization of Total Forced Migrations], in *Neprikosovennyj zapas*. 2010. Vol. 3. № 71. Pp. 30–48 (in Russian).

Poljanskij V. S. Istoriceskaja pamjat' v jetnicheskom samosoznanii narodov [Historical Memory in the Ethnic Self-Consciousness of Peoples], in *Sociologicheskie issledovanija*. 1999. № 3. Pp. 11–20 (in Russian).

Prezident ChR Ramzan Kadyrov provel rabochuju vstrechu s mjerom Groznogo Muslimom Huchievym [President of the Chechen Republic Ramzan Kadyrov held a working meeting with the mayor of Grozny Muslim Khuchiev]. Available at: <http://www.chechnya.gov.ru/pda.php?r=126&id=3785> (accessed 25 November 2017).

Prijmak A. *Chechency shli k shariatu iz deportacii* [Chechens went to Sharia from deportation]. Available at: http://www.ng.ru/problems/2017-06-07/12_421_chechnya.html (accessed 25 November 2017).

Rakhaev D.Ya. Analiziruya travmu: istoriografiya deportacii karachaevczev i balkarczev kak forma kul`turnoj pamyati [Analyzing the trauma: the historiography of the deportation of Karachais and Balkarians as a form of cultural memory], in *Lyudi i teksty`. Istoricheskij al`manakh*. 2014. № 5. Pp. 350–380 (in Russian).

Reznikova O. Skorb` i prazdnik v (post) kolonial`nom kontekste. E`tnograficheskie zametki. Grozny`j 8, 9 i 10 maya [Grief and Holiday in the (post) colonial context. Ethnographic notes. Grozny 8, 9 and 10 May], in *Neprikosnovenny`j zapas*. 2015. № 3. Pp. 166–173 (in Russian).

Rossija i SSSR v vojnah XX veka. Poteri vooruzhennyh sil [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. Losses of the armed forces]. Moscow: Olma-Press, 2001. 608 p. (in Russian).

Saidov I.M. Mehk khel (Sovet strany) u nahov v proshlom [Mehk khel (Council of the country) of Nakhov in the past], in *Kavkazskij jetnograficheskij sbornik*. Vol. II. Tbilisi, 1968. (in Russian).

Sanglibaev A. A. E`tnoklanovost` na postsovetском prostranstve [Ethnic Clan Politics in the Post-Soviet Space], in *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2007. Vol. 6. № 6. Pp. 52–63. (in Russian).

Sanglibaev A.A. *Etnopoliticheskie processy i konflikty na Severnom Kavkaze*. [Ethnopolitical processes and conflicts in the North Caucasus]. Cherkessk: Informacionno-izdatel'skij centr Karnegi, 2008. 278 p. (in Russian).

Tak my zhivem. Sbornik publikacij pobeditelej i finalistov premii imeni Andreja Saharova "Za zhurnalistiku kak postupok" 2008 goda [That way we live. A collection of publications of the winners and finalists of the Andrei Sakharov Prize "For journalism as an act", 2008.]. (ed. A.K. Simonov). Moscow, 2009. 328 p. (in Russian).

Troshev G. N. *Moja vojna: Chechenskij dnevnik okopnogo generala* [My war: The Chechen diary of the Trench General]. M.: Vagrius, 2001. Available at: <https://knigogid.ru/books/20074-moya-voyna-chechenskiy-dnevnik-okopnogo-general/toread> (accessed 25 November 2017) (in Russian).

Fedorovich A.S. Teypovo-religioznye otnoshenija v chechenskom obshhestve [Teyp-religious relations in the Chechen society], in *Central'naja Azija i Kavkaz*. Shvecija: Lylea, 2001. No 2 (14). Pp. 129–135. (in Russian).

Hasiev S.-M. O social`nom sodержanii instituta "tajp" chechencev (XIX – nachalo XX vv.) [On the social content of the "tajp" institute of Chechens (XIX – early XX centuries)], in *Voprosy politicheskogo i jekonomicheskogo razvitija Checheno-Ingushetii (XVIII – nach. XX)*. Groznyj, 1986. (in Russian).

Yusupov M.M. E`tnicheskaya i soczial`naya identifikacziya v konfliktnom regione [Ethnic and Social Identification in Conflicted Region], in *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2006. № 10-1. Pp. 62–69 (in Russian).

- Boyd R., Richerson P.J. The evolution of ethnic markers, in *Cultural Anthropology*. 1987. Vol. 2. № 1. Pp. 65–79.
- Brauer B. Chechens and the survival of their cultural identity in exile, in *Journal of Genocide Research*. 2002. Vol. 4. № 3. Pp. 387–400.
- Campana A. Collective memory and violence: The use of myths in the Chechen separatist ideology, 1991–1994, in *Journal of Muslim Minority Affairs*. 2009. Vol. 29. № 1. Pp. 43–56.
- Fedorov Y.E. Continuity and change in Russia's policy toward Central and Eastern Europe, in *Communist and Post-Communist Studies*. 2013. Vol. 46. № 3. Pp. 315–326.
- Gammer M. Nationalism and history: rewriting the Chechen national past, in *Secession, history and the social sciences*. 2002. Pp. 117–140.
- Gould R. Leaving the house of memory: post-Soviet traces of deportation memory, in *Mosaic: a Journal for the Interdisciplinary Study of Literature*. 2012. Vol. 45. № 2. Pp. 149–164.
- Mandelbaum M. (ed.). *Postcommunism: four perspectives*. Council on Foreign Relations, 1996. 216 p.
- Nodia G. Chasing the Meaning of 'Post-communism': A Transitional Phenomenon or Something to Stay? in *Contemporary European History*. 2000. Vol. 9. № 2. Pp. 269–283.
- Shnirelman V.A. A revolt of social memory: the Chechens and Ingush against the Soviet historians, in *Reconstruction and interaction of Slavic Eurasia and its neighboring worlds*. 2006. Pp. 273–307.
- Sokirianskaia E. Ideology and conflict: Chechen political nationalism prior to, and during, ten years of war, in *Ethno-Nationalism, Islam and the State in the Caucasus*. 2007. Pp. 120–156.
- Tishkov V. Political Anthropology of the Chechen War, in *Security Dialogue*. 1997. Vol. 28. № 4. Pp. 425–437.
- Williams B. G. Commemorating "The Deportation" in Post-Soviet Chechnya: The Role of Memorialization and Collective Memory in the 1994–1996 and 1999–2000 Russo-Chechen Wars, in *History & Memory*. 2000. Vol. 12. № 1. Pp. 101–134.